

18+

Елена Соколова

Я твое сердце

*Встреча со своим
сердцем*

Елена Соколова

**Я твое сердце.
Встреча с самим собой**

«Издательские решения»

Соколова Е. Г.

Я твое сердце. Встреча с самим собой / Е. Г. Соколова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590032-6

Удивительным образом участники этой истории оказываются наедине со своим собственным сердцем. Удивительные открытия и изменения в жизни ждут каждого из них.

ISBN 978-5-00-590032-6

© Соколова Е. Г.
© Издательские решения

Содержание

«Я твое сердце»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Я твоё сердце Встреча с самим собой

Елена Геннадьевна Соколова

© Елена Геннадьевна Соколова, 2022

ISBN 978-5-0059-0032-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Я твое сердце»

Елена Соколова

Земля принимала все: ночь и день, зимний холод и летний зной, ураганы и шторма, ветра и бури.

Земля радовалась крупным каплям дождя, бьющим по листьям деревьев и по траве на лугах.

Безропотно залечивала раны после извержений вулканов и радовалась появлению новой травы, на которую начинали приходиться прекрасные олени, обживая вновь и вновь возрождающуюся территорию.

Земля не задавала вопросов: «Почему? За что? Зачем?» и однажды стала свидетелем появления человека, с трепетом наблюдая каждый его шаг,

выслушивая бесконечные вопросы: «Почему? За что? Зачем?»

Безропотно несла земля на себе венец творения и его проклятие, в определенный срок, принимая человека в себя.

Она дышала приливами и отливами, кормила поколение за поколением, ожидая, что среди множества рожденных найдется хотя бы один, который сделает то, чего не может сделать она – скажет «прости».

Я твое сердце.

1

Жаркое лето властвовало над местностью, жители которой большую часть трудового дня занимались тем, что носили из водоемов воду для скота и растений.

Солнце, не стесненное облаками, вот уже много дней вдохновенно рассыпало свои жаркие лучи, под которыми плавился гудрон на крышах домов.

На телевизионных антеннах дремали ласточки, изредка слетая с места для того, чтобы проглотить подлетевших совсем близко мошек.

На лугу за деревней лениво мычали пасущиеся коровы и в поле работал трактор.

Из своего дома вышел Ефим Лукьянович – весьма немолодой человек, которого, однако, нельзя было назвать старым, оценивая статность в осанке и ясный взгляд.

Возраст оставил отпечаток скорее на характере этого человека, которого уважали и любили все в округе. Он мало говорил, вдохновляя примером своей собственной жизни утвердить в каждом желание и стремление к тому, чтобы хранить себя уравновешанным и чистосердечными. Благородным.

По улице бодрым спортивным шагом вышагивал Константин Юрьевич. Его дом, построенный на холме, возвышался над всеми деревенскими постройками. Константин приветливо помахал рукой Ефиму Лукьяновичу, крикнув ему:

– Здорово, сосед!

– Привет! – ответил Ефим низким голосом, исходящим, казалось, из самой глубины сердца, из самой его сущности и проникающим в самую глубину в самую сущность того, к кому он обращал свою фразу, – спортом занимаешься?

– Сердце берегу. Нашел методику, по которой доживу до девяноста лет. Сегодня уже второй раз пробежку выполняю.

– А когда ж первую пробежку успел пробежать?

Константин Юрьевич, ответил в своей обычной торопливой манере, спеша скорее закончить разговор:

– Вся деревня еще спит, а я уже в форме. И у телевизора не сижу, как другие.

Ефим улыбнулся вслед убегающему Константину и развернулся на сто восемьдесят градусов в сторону своего огорода. Нужно жене помочь.

А в просторном дворе под навесом для летней кухни семнадцатилетний сын Ефима Ерофей рассказывал что-то старшей сестре Фаине. Она перебирала ягоды.

Ефим спросил у детей:

– А мама все еще в огороде, наверное? – и, не дождавшись ответа, сам себе ответил, – где ж она может быть? Пойду помогу Анастасие своей.

Шагнул он в сторону огорода, но тут ему прямо под ноги вбежала собака, облепленная репейником, и отскочив в сторону, принялась тереться спиной об угол своей будки, пытаясь освободить шкуру от колючек, которые только еще глубже проникали в шерсть.

– Бедолага, – вздохнула Фаина и звонким голосом обратилась к брату: – Ерофей, помог бы Дине, а? А то я руки не хочу испачкать.

Брат поднялся со скамьи и направился к дому, а Фаина крикнула ему раздраженно:

– Ну, куда же ты пошел? Собаке помоги!

Ерофей спросил отца:

– Охота тебе, папа, в такую жару из дома выходить?

Фаина крикнула:

– Пап, скажи Ерофею, чтобы Дине помог, а то я с ягодами, а он не слушается.

Ерофей молча ушел в дом, жара заставляла быть скупым на слова, а Фаина жаловалась:

– Видишь, папа? Ему говоришь одно, а он делает совсем другое.

Папа не успел ответить, потому что из дома вернулся Ерофей с гребнем в руке. Спустившись с крыльца, подошел к собаке и принялся вычесывать из ее шерсти репейник.

Собака прикрыла от удовольствия глаза. Фаина вздохнула, а отец сказал ей:

– Видишь, дочка, Ерофей то послушал тебя...

– Ну и что? Мелочи все это, – пробурчала Фаина.

– От мелочи этой Ерофей растерялся, ты рассердилась, и я расстроился.

– Пап, ну что ты...

– Не спеши со словами, дочка.

– Из-за мелочи такой ты, папа, – обиделась Фаина.

Ефим и сына наставил:

– А ты, Ерофей, не считай за труд великий объяснить свои планы, а то убегаешь, оставляя других в обиде.

Ерофей вычистил собаку, пристегнул ошейник и за поводок привязал к будке, поднялся на крыльцо, а Фаина испуганно вскрикнула:

– После собаки...

– Я отмою гребень, не переживай.

Скоро Ерофей вернулся из дома во двор и принялся подключать к насосу шланг для полива огорода.

Через забор увидел он Юлю, дочку Константина Юрьевича.

Юля с ярко-накрашенными губами, в красиво облегающем платье прошла мимо двора, игриво покачивая торсом, остановилась, развернулась лицом к калитке и сказала весело:

– Ерофей, привет!

– Привет, – спокойно ответил Ерофей.

Ефим Лукьянович удивился:

– А почему только Ерофею привет?

– Ну, всем привет! А ты, Фаина, как всегда по хозяйству? – усмехнулась Юля, не скрывая небрежное отношение к засидевшейся в девках, сестре красавца Ерофея.

Фаина обиделась:

– А тебе какое дело?

– Да никакого мне до тебя дела нет. Я за новым журналом на почту иду. Ерофей, не хочешь составить мне компанию? Хоть узнаешь, чем цивилизованные люди живут.

Ерофей насупился.

Юля хмыкнула и небрежной походкой направилась в сторону здания почты.

Ефим покачал головой и снова сделал шаг в сторону огорода, но тут с самого края деревни послышался нарастающий гул, и через несколько минут к воротам двора, разогнав куриц, подъехали на трех мотоциклах приятели сына, что-то выкрикивая.

Когда выключились моторы, стали слышны голоса парней:

– Поехали на карьер!

Ерофей мигом выскочил со двора и уселся на мотоцикл за одним из ребят. Кто-то из них крикнул:

– За Юлькой еще заедем! – и снова загрохотали моторы, поднялась пыль и мотоциклы умчались, сотрясая шумом всю деревню, дразня собак, охрипших от лая.

Напуганные куры долго не могли успокоиться, а петухи, вышагивая из своих укрытий с надменным видом, изображали статность, показывая что ничуть и не испугались никаких мотоциклов.

Ефим Лукьянович отказался от идеи идти в огород и присел под навесом возле дочери. Черные ягоды одна к другой послушно сыпались в чан, приставленный к скамейке. Фаина сдувала с ягод листики и соринки.

Отец прикрыл глаза и вдохнув аромат ягод, сказал:

– Руки у тебя, дочка, ловкие. Быстро работаешь, легко. Пусть муж тебе достанется такой, который ценить тебя будет.

Фаина улыбнулась:

– Чудной ты, пап, молчишь молчишь подолгу, а на глупости всякие слов не жалеешь.

– Тебе мои слова пустыми кажутся?

– Мне, папочка, слова твои дороже золота. Поверь.

– Вот, доча, тебе я их и говорю. Сколько живу, дождем своих слов осыпать тебя буду.

Ты – дочь моя, твоим счастьем живу.

Фаина тяжело вздохнула:

– Так где ж оно счастье мое?

Ефим Лукьянович весело ответил:

– Золотое сердце твое. Вот оно счастье. Если бы ты это смогла понять... Если бы люди смогли понять какой ценностью обладают... Жизнь другой бы стала.

А во двор, не спрашивая разрешения, вошла соседка Аня – ровесница Ерофея. Она не церемонясь, вошла под навес, села на скамейку рядом с Фаиной и взяв из корзины горсть ягод, принялась сдувать с них соринки:

– Я помогу тебе ягоды перебрать, ладно? – сказала Аня.

Движения Ани были резкими, неровными. Находиться рядом с этой девушкой никто не стремился. Ефим Лукьянович спросил у нее:

– А что, Анют, сама-то в лес ходила сегодня за ягодами?

– Нет. Воду матери таскала. Завтра с утра пойду. За коринкой, часа в четыре, – ответила Аня громко. Она всегда говорила громко, – у меня мама вчера пошла и заблудилась. Шла не знала куда и вдруг змею увидела. А змей она боится до смерти!

– Это всей деревне известно, что она змей боится, – рассмеялся Ефим.

Аня продолжила:

– Рванула мама моя от змеи со всех ног и неожиданно к деревне вышла. Оказывается, она совсем не в ту сторону шла. Заблудилась бы окончательно. Змея ее с неверной дороги вернула и к дому направила.

Ефим ударил себя по коленям и восторженно воскликнул:

– Ну, чудеса! Вот так случай ты нам рассказала! Спасибо за историю такую. Это же надо! Кажется зло такое – змея, а к добру оказалась. Чего только не случается в жизни!

Фаина, устав от крикливой речи Ани, вступила в разговор:

– Ерофей с парнями на карьер уехал.

Аня громко рассмеялась:

– Я видела. Они мимо меня прокатили. И Юлька с ними.

Фаина закатила глаза к небу, словно прося у неба терпения на эту гостью, а гостья спросила:

– А в клуб Ерофей не пойдет вечером? Сегодня фильм хороший будут показывать. Я пойду.

Фаина небрежно ответила:

– У Ерофея и спроси. Мы-то откуда знаем?

Ефим Лукьянович горько взглянул на дочь и ласково ответил Ане:

– Я скажу Ерофею, что сегодня фильм хороший. Он, наверное, придет.

Аня резко в своей, всех раздражающей манере, вскочила со скамьи и направилась к калитке, бросив на ходу:

– Ну, ладно, я пошла.

На улице, за калиткой довольно далеко от двора Ефима в этот момент разговаривали о чем-то две девушки.

Аня крикнула им:

– На карьер не пойдете? Жара такая...

Девочки хихикнули:

– С тобой, что ли? Чтобы все парни разбежались?

Аня привычно весело, на приподнятой интонации ответила:

– Ну, ладно, – и направилась в свой двор.

Когда Аня скрылась за воротами, Фаина спросила у отца:

– Интересно, она знает что-нибудь кроме этого своего «ну, ладно»? Никто с ней общаться не может.

Ефим какое то время молчал, потом проникновенно не просто сказал, а проговорил, не дочери, не себе, а всему миру тихо и глубоко:

– Сердце свое она от боли защищает.

– Что?

– Людей от себя отталкивает, чтобы к ней никто не привязался и чтобы самой ни к кому не привязаться. Одиночества боится.

– Зачем же тогда людей отталкивает, если одиночества боится? – не поняла Фаина.

– Самое плохое о себе впереди себя несет, и всякий заранее знает с чем столкнется, если сблизиться с ней захочет. Чтобы на первых же шагах на пути в ее сторону отсеивались, не успев на территорию ее сердца войти.

– Так ведь, одна останется.

– Встретит того своего настоящего, кто не испугается. Уже ничего можно будет и не бояться в будущем. Все самое плохое о себе она уже предъявила.

– Хитро, как ты, папа, все видишь. Откуда?

– Не знаю, дочка. Просто вижу. И вижу, насколько изворотливы и изобретательны люди, чтобы сердце свое от ударов укрыть. От правды. А Константин, Юлькин отец, всю жизнь от сердца своего убегает. Видать, подвело оно его когда-то.

Фаина предположила:

– А у Ани это после того, как ее мать сдала в приют?

– Да, пройти такое еще раз она не сможет, – ответил Ефим, – вот и сражается за сердце свое. Вернее за то, что от него осталось. Разбито оно. Ведь, если мать не любит, то никогда

человек не поверит, что его может полюбить кто-то другой. Понимаешь? Если даже собственная мать...

– А к мачехе своей она хорошо относится. Мамой зовет, – похвалила Аню Фаина.

Тут, со стороны огорода послышался хриловатый голос старого Макара. Он жил на самом краю деревни. Жадный и сварливый. Настоящий брюзга. Слова, которые он тихо проговорил Анастасие, копавшейся в огороде, прозвенели на жаре довольно четко и далеко:

– Такую женщину разве можно тяжелой работой нагружать? Муж не бережет тебя. Сам-то, вишь, под навесом с дочкой прохлаждается...

Анастасия выпрямилась, взглянула на Макара уставшими глазами и ответила вопросом:

– А твоя жена небось тоже в огороде пока ты за другими подглядываешь?

Гость попытался защититься:

– Моя жена была бы поласковее, так я и по деревне б не бродил. Не подглядывал.

Разговор затих. Фаина сквозь зубы проговорила:

– И что этот Макар суется в каждый огород?

Отец не без ревности подхватил:

– Терпеть его не могу. Как поросенок в людях роется.

– И за людей-то только себя одного считает, – добавила Фаина.

Во двор с огорода вошла хозяйка дома Анастасия и всплеснула руками:

– Ну, и что же это такое, а? Уже соседи внимание обратили! Стыд какой! Я одна в огороде спину ломаю, а они сидят язык чешут! Ладно, Фаина, а ты-то, Ефим, мог бы делом заняться.

Фаина прислонилась к плечу отца и сказала:

– А может быть, мама, папа именно сейчас самым серьезным делом занят?

– Я у папы твоего устала кухню летнюю просить достроить. Сколько ж можно под навесом укрываться? А ты, дочка, ягоды могла бы побыстрее перебирать. Клубника еще не прополота.

Ефим поднялся со скамьи и сказал жене:

– Пойдем, покажешь, что там тебе на огороде сделать нужно, а то, действительно, соседи уже внимание обратили на тебя.

– А Ерофей где? – спросила Анастасия, пропустив ревнивую нотку муда, словно не заметив ее

– Купаться уехал с ребятами. Пусть от жары отдохнет.

Лукияныч прошел в огород и увидел в проходах между грядками горки сорной травы, которую повытаскивала и сложила Анастасия. С самого раннего утра прополкой занялась. Заботливый муж взял вилы и принялся перетаскивать сорняки в компостную яму. Анастасия граблями подбирала мелкий травяной сор, который не подхватывался вилами. Очень скоро вокруг грядок стало чисто.

Ефим поставил на место вилы. Анастасия поставила грабли и, подбоченившись, осмотрела огород:

– Ну, наконец-то мы с этими сорняками разделались. Теперь бы клубнику привести в порядок, и будет полный ажур.

Ефим спросил:

– Баньку будем топить сегодня?

– Затопишь, так попаримся. Кто ж откажется?

– Пойду посмотрю сколько воды в баке, а ты отдохни. Вишь, работу какую провернула!

Приляг.

Банька была небольшая, а вот предбанник вмещал в себя стиральную машину, стол для глажения белья и большой диван, на котором можно было отдохнуть, выскочив из парилки.

Больше всего из всех забот Ефиму нравилось топить баньку. Он не любил приходить в уже готовое удовольствие. Нужно было пережить весь процесс пошаговой подготовки, начиная с наполнения водой всех имеющихся емкостей.

Дрова для баньки брались только хорошо просушенные. Ефим складывал их аккуратно в топке, поджигал лучиной, отщепленной от одного из полешек, и сидя на полу, наблюдал, как огонь разгорается.

За маленьким окошком стучали о стекло бабочки, рискуя попасть в паучью сеть, растянутую в одной плоскости со стеклом. На ветках акации, растущей возле бани, трещали лопающиеся созревшие стручки, выкидывая семена. Кудахтала курица, зазывая шумных цыплят поактивнее склевывать жуков и червяков, которые оказались на поверхности земли после нескольких уверенных движений цепких куриных лап.

Все то, что казалось мелочью в этой жизни, по сравнению с тем, что планировал человек, создавало атмосферу, вдохновляющую человека что-то планировать и создавать.

Ефим ловил каждое движение жизни, каждое ее дыхание в том, что было незаметным, но от этого не было незначительным. Многие, считая важные мелочи не серьезными, проходили мимо, теряя нить, связующую все аспекты бытия в одно полотно, от этого теряя ощущение счастья в ими же созданных прорехах своего равнодушия, невнимания, торопливости, желания взять то, что можно потрогать, не отвлекаясь на невидимое.

Становилось все более редким и изысканным искусство удерживать эту нить счастья.

Что же для Ефима Лукьяновича было внутренней гармонией? Почтение и осторожное отношение к живому и скромная оценка самого себя, через понимание абсолютной неспособности вдохнуть жизнь в творение своих рук.

Дрова потрескивали, Ефим убедился в том, что печка в бане растопилась и вышел на улицу, плотно закрыв за собой дверь. Запах дымка разнесся над домом и огородом, даря труженикам села сладкое напоминание о том, что рано ли, поздно ли, но день закончится вечером с его отдыхом и досугом.

Ерофей вернулся с купания только к уже наступившему вечеру. Отец с матерью сидели в главной комнате дома за большим круглым столом и сортировали семена по пакетикам. Весь стол был заставлен коробками с наклеенными на них листочками, на которых аккуратным почерком были написаны названия семян и время их упаковки.

Фаина лежала на диване с наушниками. Возле окна на письменном столе стоял компьютер. На нем прокручивался старый черно-белый фильм.

Ерофей заварил себе чай и развалился с кружкой в одной руке и с куском пирога в другой в кресле возле старого бабушкиного комода:

– Банька славно стоплена, пап. Спасибо. После купания то, что надо!

Анастасия, не поднимая взгляда, предложила сыну:

– В морозильной камере пельмени. Я накрутила сегодня. Сварить?

– Нет, мама, мне чая хватит. Что за фильм?

– Тебе не понравится. Это нашей молодости, – ответила мама.

– В клуб фильм хороший привезли, – сказал Ефим Лукьянович сыну, – не хочешь сходить?

Ерофей спросил:

– А что за фильм?

Отец растерялся:

– Не знаю...

– Называется как?

– Да, не знаю, сказали только, что хороший.

Сын не отставал:

– А кто сказал?

Отец растерялся:

– Да кто б ни сказал... сходил бы... Как искупался-то?

– Отлично. Вода теплая. Жара в это лето такая, что из воды вообще вылезать не хочется. Народу на карьере!.. На машинах понаехали. С шашлыками, с собаками. Эти городские жители – бледные, как ростки картофельные. Воды боятся, визжат. Пока в воду зайдут, мы уже до острова и обратно проплыть успеваем.

Анастасия развеселилась:

– Соревнуетесь с горожанами? Слышь, отец.

Отец рассмеялся:

– Я в твоём возрасте таким же был. Доказывал, что городские парни – заносчивые хлюпки.

– А сейчас? – спросила жена.

– Повзрослел, – пожал плечами Ефим Лукьянович, – быть горожанином тоже не простое дело. Везде свои сложности.

Ерофей отпил из чашки горячий чай и спросил, выдохнув пар:

– А как понять, вырастешь ли?

Мама вскрикнула даже:

– Ты, сынок, ещё в пеленках уже взрослым себя считал.

– Считать-то считал, а как оно на самом деле? – не отстал Ерофей.

Ефим потрянул головой и, словно самому себе, а не сыну ответил:

– В детском возрасте многие элементарные вещи, жизненно необходимые для тебя, тебя же и уговаривают сделать. Ну там, шапку надеть, поесть вовремя и не что попало, слабых не обижать, стариков уважать... В юношеском возрасте ты уже сам делаешь это для самого себя. А в возрасте отцовства уже и другим можешь подсказать и напомнить. Заботиться начинаешь.

Мама слушала и тихо добавила:

– Но самый важный показатель взрослости, Ефимушка, это когда ты себя перестаешь видеть точкой, вокруг которой весь мир вращается. Тогда и уважение к людям приходит и эгоизм уходит. Полезным становишься.

Ерофей молчал. Анастасия шуршала пакетиками. Ефим подписывал на пакетиках названия семян. Фаина, не снимая наушники, крикнула:

– Ерофей, как там на карьере народу много?

Ерофей кивнул головой, понимая, что слов сестра все равно не услышит, а Фаина прокричала:

– Подожду, когда жара спадет, тогда народу станет поменьше. На карьер схожу.

Ефим мельком взглянул на дочь, чтобы убедиться, что она в наушниках, сказал мечтательно:

– В такую жару больно сладкой коринка зреет. Ох, как давно я не ел эту ягоду! Слишком далеко идти за ней.

– Очень далеко она, – сказал Ерофей с набитым пирогом ртом.

Фаина как раз выключила музыку, услышала последнюю фразу и поинтересовалась:

– Про кого вы? Кто далеко?

– Коринка.

– Ааа...

Ефим продолжил:

– Я, бывало, в четыре утра поднимался и шел за коринкой. Только в жаркое лето ягоды эти сладкими бывают. А ароматные какие! Истосковался я по вкусу их.

2

Рано утром, в четыре часа поднялся Ерофей с постели, оделся, взял корзинку и тихо выскользнул из дома. Из будки лениво вылезла собака Дина и сонно вильнула хвостом в знак приветствия.

Ерофей помахал собаке рукой и шагнул со двора в густой утренний туман.

Шел молодой человек не спеша, чтобы сберечь силы на сбор ягод и на обратный путь. В кармане куртки лежал кусок хлеба и несколько огурцов с грядки.

Путь к зарослям коринки проходил мимо соснового леса. Чистый утренний воздух наполнился влагой и запахом хвои. Пели проснувшиеся птицы, ворчали в канавах лягушки.

Солнце поднялось еще невысоко, когда Ерофей дошел до веселого ручья, бегущего по заботливо сложенным кем-то камням. Кристально чистая вода била прямо из под земли в глубокую воронку, вымытую за многие годы силой течения родника.

Из воронки вода стекала дальше в долину и неуловимыми путями достигала глубокого озера, которое находилось за сосновым лесом на большом расстоянии от самого родника. По берегам ручья, который переходил в небольшую речку, росли осока и камыш.

Парень омыл родниковой водой лицо и, вволю напившись, продолжил свой путь.

Даже если бы пить и не хотелось, ни один прохожий не посмел бы пренебречь родником. Каждый, оказавшись здесь, обязательно остановится.

Каждый, проходящий мимо, считал своим долгом уделить некоторое время тому, чтобы соприкоснуться с чистой живой водой, пробившейся из глубоких глубин. Когда путник спускался к воде, тогда сила родника всецело и полностью принадлежала ему одному – путнику, словно награда за проделанный не близкий путь.

Ободрившись загадкой ручья, Ерофей улыбался ясности собственной мысли о том, что есть такие люди, встреча с которыми сопоставима с умыванием в такой вот родниковой воде. И, что очень мало их, таких людей.

Они затеряны в разных обстоятельствах жизни. Их мысли заняты множеством идей, убеждений, предрассудков, как и родники могут быть стеснены постройками вокруг них и кипучестью жизни людей, чья жизнь зависит от влаги, которую приносит родник.

И невозможно стать таким родником. Необходимо им родиться, быть предназначенным. Пробиться ради кого -то к поверхности земли.

Через полтора часа Ерофей оказался на месте. Запах коринки, распаренной жарким солнцем, наполнил сознание сладким покоем. Этот дух, обитающий здесь, был еще одним даром для тех, кто приходил сюда, преодолев немалое расстояние.

Ерофей принялся собирать ягоды. Приходилось тянуться за ними или пригибать ветки. Ягодка за ягодкой, и вот уже половина корзины наполнена.

Где-то за деревьями кто-то тоже собирал коринку, шелестя ветками.

Ягодник дал себе отдых, съев огурцы с хлебом, и снова принялся за работу.

Пот катил градом. Пыл разгоряченной земли добавлял жару, но закончил юноша работу только тогда, когда корзина наполнилась до краев. Не гоже с не полной емкостью идти по деревне, соседей смешить.

Перевязал Ерофей корзину курткой из тонкой хлопчатобумажной ткани, которую скинул с себя, еще как только солнце стало припекать, закинул корзину за плечо и шагнул на тропу в сторону дома. В это же мгновение на тропу из-за деревьев шагнула Аня и вскрикнула, увидев Ерофея.

Ерофей спросил растерянно:

– Ты что тут делаешь?

Аня громко некрасиво рассмеялась:

– Так, ягоды собираю. Уже собрала. А ты?

Ерофей показал на свою полную корзину. Идти каждому по одиночке, было бы нелепо, и ягодники пошли рядом.

Путь в сторону дома был по-настоящему изнурительным. Жара нещадно палила так, что только одна мысль была в висках – скорее бы ручей. Встреча с ним уже не приключение, а вопрос выживания. Ерофей бросил взгляд на худенькую Аню:

– Может тебе помочь? Давай возьму у тебя корзину.

Аня громко ответила:

– Да не. Ладно, не надо.

Ерофей очень пожалел, о том, что Аню пожалел, когда слух резонул ее известный всему селу голос.

Послышался шум воды, Ерофей и Аня из последних сил прибавили скорость и... услышали в стороне мяуканье. Очень жалобное. Сил не было даже повернуть голову и молодые люди, словно сговорившись, сделали вид, что ничего не слышали. Они шли к ручью.

Мяуканье повторилось и раздалось такое истошно-отчаянное, что Ерофей, чуть не плача от досады, поставил корзинку в траву и прислушался. Аня поставила свою корзинку возле корзинки Ерофея. Мяуканье слышалось из кучи набросанных веток.

Там, по колючкам, обдирая в кровь лапки и мордочку, копошился маленький белый пушистый котенок и не мог выбраться на свободу.

Аня вскрикнула:

– Ах! Миленький! Как же он там оказался?

– Откуда ты взялся здесь? – удивился Ерофей и принялся перекидывать ветки, царапая себе лицо.

Аня торопливо включилась в спасательную операцию. Движения ее были на удивление ритмичными, спокойными. Она молча, сосредоточенно подхватывала ветви из рук Ерофея и так аккуратно отгаскивала их в сторону, что ни разу не зацепила ими Ерофея.

– Смотри, – мягким, даже нежным женским голосом сказала Аня, – он уже пищать не может.

– Чего ж пищать? Видит же, что его спасают, – Ерофей почувствовал себя странно неловко рядом с Аней, неожиданно увидев в ней девушку.

Аня спасла Ерофея:

– Интересно, он брошенный или заблудившийся? Когда вытащим его, то себе можно будет взять... Ну, или тебе.

Ерофей по – мужски предложил решение вопроса:

– Пусть сам выберет, в каком доме хочет остаться.

Бедный котенок радостно дрожал на ладонях Ерофея.

Ерофей прижал котенка к своей окровавленной щеке. Аня счастливо улыбалась.

– Пить хочет, – сказала она.

Ерофей посадил котенка на корзинку поверх куртки, поднял корзинку с земли, и вернулся на тропинку, ведущую к ручью. Аня шла следом.

Где только взялись силы? Но уже не обессиленные и изнемогающие, а бодрые и радостные спустились молодые люди к ручью, когда наконец, дошли до него.

Котенка Ерофей опустил возле ручья. Белые пушистые лапки коснулись воды. Котенок опустил мордочку и принялся с наслаждением лакать, прищурился глазами.

Сильные ладони Ерофея уверенно подставленные под бегущую воду, наполнились ею. Аня подставила свои ладони, и поток воды стал их общим одним потоком.

Оба смеялись, словно дети. Откуда это ощущение настоящего счастья?

И тут произошло сверхъестественное. Родник на мгновение замер. Остановил свое течение, и вся часть воды, которая соприкоснулась с ладонями Ерофея и Ани, застыла огромной прозрачной каплей.

Молодые люди оба вскрикнули и выронили эту каплю в воронку, заполненную водой, а ручей снова продолжил свое быстрое течение.

Парень и девушка синхронно кинулись за каплей и осторожно достали ее из воронки, удерживая в своих ладонях...

Сказочный мир окружал Ерофея. Сказочные деревья, сказочной красоты цветы. Птицы, пролетающие высоко в небе, были сказочными, и вдали красовался сказочной красоты дворец.

По дороге из дворца скакал всадник и провозглашал по всей сказочной стране о том, что тот, кто спасет дочь царя, получит в награду полцарства и руку его дочери принцессы в придачу.

Всадник поравнялся с Ерофеем и остановился.

– Ты кто?

Ерофей уверенным голосом ответил почему-то сказочно:

– Я Ерофей, крестьянский сын. Иду по миру счастья искать.

– Следуй за мной, – всадник не спеша развернулся. Ерофей покорно, но с достоинством направился за всадником. Очень скоро подошли они к входу во дворец и всадник, громко сообщил стоящим возле дверей охранникам:

– К Его Величеству!

Двери раскрылись. Незнакомец сошел с коня и оставил его на улице, а сам ввел во дворец Ерофея.

Оказались они в огромном зале, украшенном хрустальными светильниками, возле которых в золотых клетках сидели жар – птицы. На высоком троне восседал царь в великолепной мантии.

За тронем стояли два пажа в бархатных куртках. Золотая корона царя сверкала драгоценными камнями, названий которых Ерофей просто не мог знать. Царь осмотрел Ерофея с ног до головы и приказал ему:

– Возьмешь меч, щит и латы. Получишь самого бесстрашного коня и отправишься на поиски моей дочери!

Ерофей растерянно пожал плечами и попытался возразить:

– Я не знаю куда идти, Ваше Величество.

Его Величество строго произнес:

– Твое сердце тебе подскажет. Я вижу, что оно есть у тебя.

В зал внесли сверкающие латы, меч и щит. Ерофея облекли в латы, которые странным образом оказались точно по размеру для него, а меч и щит абсолютно подходили для весовой и возрастной категории.

Вышел Ерофей во двор дворца, где его с нетерпением ждал белый конь. Он храпел, выпуская клубы дыма из ноздрей, и громким кличем звал поспешить.

Ерофей легко вскочил в седло, взял поводья, вихрем понесся по дороге от дворца. Конь словно слышал голос сердца Ерофея и мчался в том направлении, которое Ерофею виделось верным.

Долго ли коротко ли, через леса, поля и болота непроходимые прибыли к скале высокой, а на скале той высоко на уступе оковами железными прикована девушка красоты неслыханной и невиданной. Волосы золотыми волнами по плечам рассыпаны, платье шелковое цветом синим стан точеный украшает.

Скала отвесная, гладкая. Зацепиться не за что. Взялся Ерофей за меч и попробовал ударить по скале, чтобы хоть какую-нибудь ступеньку выбить. Тут из-за скалы выпрыгнул на уступ к принцессе пес черный. Мерзкий, слюнявый. Рычит на Ерофея, а Ерофей кинул меч в пса и отсек псу голову.

Упали цепи, освободились руки принцессы и оказалась она в объятиях Ерофея.

Аккуратно, чуть дыша от счастья, донес Ерофей красавицу до коня своего. Усадил в седло, а сам пошел рядом, коня под уздцы взяв.

– Как же ты оказалась в беде такой? – спросил Ерофей у принцессы.

Принцесса, словно ручьем звенящим, красивым голосом проговорила:

– Злое чудовище превратило мою маму в злодейку, и она приказала заковать меня в эти кандалы, обрекающие на одиночество. А пса поставила, чтобы всякий с отвращением от меня отворачивался. Только ты не испугался. Ты спас меня, – сказала принцесса, и Ерофей неожиданно узнал в принцессе... Аню.

– Как зовут тебя? – спросил Ерофей.

Принцесса серебристо рассмеялась:

– Ты знаешь мое имя.

– А ты знаешь, что твой отец кое – что обещал за спасение своей дочери?

– Ты о полцарстве?

– Я о принцессе.

...Ерофей и Аня стояли возле родника и держали в руках застывшую каплю воды.

– Что это было? – шепотом спросил Ерофей.

– Мне кажется, – ответила Аня очень тихо, – мне кажется, что мы с тобой были внутри этой капли... И смотри, у тебя раны на лице зажили.

Аня провела ладонью по щеке Ерофея, и он, желая продлить сказку, из которой только что вернулся, нежно поцеловал девушке руку.

– Спасибо, мой рыцарь. Ты спас свою принцессу.

Ерофей бережно завернул каплю в куртку. Котенка посадил себе на плечи и, взяв обе корзинки с коринкой, зашагал к дому. Аня шла следом.

Уже в деревне она взяла свои ягоды и свернула к своему дому, а Ерофей свернул к своему.

Мама всплеснула руками:

– Как же так можно было уйти и не предупредить никого? Мы тут не знаем, что думать, а ты за коринкой ходил? Это ж весь день угрожал на ягоду, из которой и не сваришь ничего. Лучше бы за материалом для летней кухни съездил.

Ерофей посадил котенка на скамейку под окно, а корзину с коринкой поставил на крыльцо. Отец вышел из дома, полной грудью вдохнул запах этих распаренных под солнцем ягод, и слеза прокатилась по его щеке.

– Просто чудо какое-то. Прямо, как в молодости. Только сказать все же нужно было, что ты собираешься уйти.

– Тогда не было бы чуда, пап. Тайну, ее испугать можно.

– Это ты точно сказал. А никого там в роще кроме тебя не было случайно?

– Папа! Ну, хитрец! Только, вот еще одна тайна...

Ерофей развязал куртку, и все увидели застывшую каплю росы, размером в две ладони.

– Что это? Лед? – вскрикнула Фаина.

– На такой жаре растаял бы лед. Сам не знаю, что это. Чудо какое-то. Тайна.

Фаина аккуратно взяла каплю и медленно вошла в дом и поняла, что находится внутри этой капли...

Мягкий свет окружил ее. В прозрачной тишине она услышала свое дыхание.

Фаина улыбнулась. Никогда прежде не улыбалась она так искренне. И никогда не чувствовала себя так естественно и привольно. Уверенность в абсолютной безопасности была осязаемой.

Где-то вдалеке звенел ручей, напоминающий перезвон подвесок хрустальной люстры. Шаги Фаины нежно звенели, словно капли тающей воды, падающие в ручей. Девушку окружала удивительная природа: самой замысловатой формы растения, совсем не похожие на деревья, а скорее на вытянутые стеклодувом сверкающие цветные ленты и нити. Словно стеклянные, но живые. Все было живым и путь сам прокладывался под ногами.

Наконец, сквозь заросли странных растений, на которых резвились птицы, которые тоже были словно стеклянные, показался ручей. Фаина, протянув руку, приподняла ветви-ленты.

Ручей сверкал и переливался. Вода не сливалась в сплошной поток, а складывалась из отдельных маленьких сверкающих, каждая сама по себе капелек росинок. Они словно сыпались, а не стекались в долину.

Звон этих капель разносился по всей округе.

В каждой капельке отражался весь сказочный мир, в котором оказалась Фаина.

Она скинула туфли, спустилась к ручью, присела на бирюзовый камень возле самой воды и опустила в ручей ноги. Капли брызнули на платье. Девушка почерпнула воду ладонью и отпила. Сладость разлилась по всему телу. И сознание того, что весь этот прекрасный мир принадлежит ей, что все это ее собственность, окутало безмятежным покоем, который никто и ничто не мог нарушить.

Фаина присмотрелась к дну ручья и поняла, что камни, которыми оно устлано, были драгоценными. Девушка взяла один камушек и подняла его, чтобы рассмотреть в лучах света и когда свет преломился в нем, тогда, словно голограммы засияли любимые герои прочитанных Фаиной книг.

– Этого не может быть!

И тут на противоположном берегу ручья появилась красочная избушка.

Фаина спрятала камешек в карман, вскочила на ноги, обула туфли и перепрыгнула через ручей. Подойдя к двери, постучалась. Никто не открыл, и девушка, толкнув дверь, вошла внутрь.

Более чем странно оказалось убранство внутри избушки. Оно было роскошным, как во дворце. Великолепная резная мебель, сверкающий пол. Чистота и порядок безупречны.

– Кто здесь живет?

Позолоченная дверь соседнего зала распахнулась и вошла необыкновенной красоты женщина в бирюзовом длинном платье, усыпанном жемчугом.

Фаина очарованно смотрела на чудесные каштановые волосы. Взгляд синих глаз незнакомки приятным теплом пронизывал душу.

– Кто ты? Ты так прекрасна...

Глубоким красивым голосом женщина не спеша ответила:

– Я твое сердце.

– О, нет...

– Я это ты. И ты совершенно напрасно прячешь меня в этой избушке. Мне так хочется простора и свободы!

– Но ты свободна, – заволновалась Фаина.

– Ты так стараешься быть строгой и хозяйственной, что мою красоту никто не видит. Не бойся быть такой, какая ты есть.

Фаина доверчиво достала из кармана камушек:

– Смотри, из него появились герои моих любимых книг. Настоящие.

– Ты всегда читала хорошие книги. Спасибо тебе. Мне нравится все то, чем ты меня окружила. Все, что ты видишь здесь, это твой труд. Труд твоей жизни.

Фаина хотела о чем-то спросить, но увидела, что находится в своем доме возле старого бабушкиного комода. В комнату вошла мама и, ни о чем не подозревая, попросила:

– Дай посмотреть красоту эту.

Дочка молча и загадочно протянула каплю маме.

Мама взяла ее и услышала чудесную музыку.

Женщина находилась в сказочном саду. Это была настоящая сказка, хотя в сказке она никогда прежде не бывала и никогда не любила их, сказки.

Дыхание наполнилось запахом абрикосового дерева. Слаженное пение ярких птиц создавало ощущение, что играет целый оркестр.

Анастасия сделала несколько шагов, и ветви деревьев аккуратно пригнулись, предлагая свои чудесные плоды. Стоило только протянуть руку, и в ладони оказывался тот фрукт, который хотелось съесть. Листья на деревьях были словно шелковые, тонкие и очень мягкие, а трава под ногами похожа на пух.

Анастасия рассматривала чудесную растительность, но вспомнила про время, которое напрасно теряет, и по-деловому зашагала вперед, не совсем понимая, на что сможет потратить спасенное от безделья время.

Откуда-то издали послышался женский голос:

– Ау! Ау!

Анастасия крикнула:

– Кто здесь?

– Ау!

– Кто Вы? – Анастасия побежала навстречу услышанному голосу, но остановилась возле пруда. В нем плавали лилии с шелковыми лепестками, никогда не увядающими.

Из воды выпрыгивали золотые рыбки и с пушистым плеском ныряли обратно в воду. Все было чудесно: ажурная скамейка возле пруда и столик перед ней, и все же хотелось кое что переставить по-другому. Наверное, скамеечку следовало бы передвинуть поближе к воде...

– Ау! – послышался снова чей-то голос, и Анастасия оставила пруд и снова побежала на голос.

Сделав несколько шагов, она остановилась, чтобы помочь птенчику поправить в гнезде подстилку. Снова послышался голос, и снова Анастасия побежала ему навстречу и наконец увидела перед собой прекрасную немолодую женщину в бархатном синем платье. Женщина растерянно смотрела своими голубыми уставшими глазами на Анастасию.

– Кто Вы? – почти шепотом спросила Анастасия.

– Ты совсем забыла обо мне, – почему-то заплакала прекрасная незнакомка, – ты потеряла меня, и я давно не могу отыскать свой дом.

– Да нет же, Вы ошибаетесь. Я не знаю, кто Вы.

– Конечно. Ты просто забыла меня, словно меня вообще нет.

Анастасия спросила:

– Но кто Вы?

– Я твое сердце, – всхлипнула женщина.

– ... Мое сердце?.. Но вы так прекрасны! Где Вы живете?

Незнакомка счастливо улыбнулась, и сказочный сад мгновенно сменился на великолепные апартаменты большого дома, настоящего особняка.

– Как ты богата... – воскликнула Анастасия, – позволишь ли ты мне войти в твой дворец? Женщина в бархатном платье счастливо рассмеялась и сказала, подняв руки:

– Да. Ты очень богата. Это твой дворец.

Анастасия не придавала значения словам женщины, вошла в распахнутые двери и оказалась в светлой комнате. Мебель тоже была светлой, а на дверцах шкафов и шкафчиков были нарисованы яркие цветы. Золотые портьеры дополняли обстановку, отражаясь в лакированном полу.

Все на своих местах. Во всем гармония и порядок.

– Здесь все так, как я всегда мечтала. Никогда бы не уходила отсюда, – еле сдерживая слезы, проговорила Анастасия и села на пол. Совершенно естественно, не опасаясь того, что ее неправильно поймут. Чувство полной защищенности присутствовало от той уверенности, что здесь ее всегда поймут правильно.

– А ведь постоянно уходишь. Просто убегаешь, – грустно сказала сердце и тяжело вздохнуло, – ты совсем не думаешь обо мне.

– Я не понимаю. О чем Вы?

– О суете, которой ты себя нагроулила. Ты так много успеваешь за день, так много планируешь на будущее, а я совсем потеряна.

– Но я никогда не предполагала о твоём существовании. Мне всегда так хотелось, чтобы красиво было вокруг... Что же мне делать?

– Не забывай обо мне. Все самое ценное и самое прекрасное приобретенное тобой за твою жизнь – это я. И твои близкие любят быть рядом с тобой не потому, что ты многое успеваешь, а потому, что им хорошо со мной – с твоим сердцем...

Анастасия стояла в комнате с каплей в руках. Дочка внимательно смотрела на свою маму, а та подняла взгляд, осмотрелась вокруг и аккуратно положила каплю на комод:

– Какое счастье!

В дом буквально влетел Макар. Он давно привык к тому, что все самое дорогое и редкое находилось в его богато обставленном доме:

– Что за красоту принес Ерофей из родника? Ого! Вот это да! Ну-ка, можно хоть в руки-то взять? – не дождавшись ответа, он дрожащими руками схватил каплю... и оказался в собственном огороде возле своего же дома...

Макар копался в земле, сидя возле грядки, и плевался, с раздражением ворча:

– Чем кормят, а? В какой обстановке жить-то приходится! Совершенно ничего съедобного.

Расстроившийся Макар покинул свой пустой огород и тихонько пробрался в чужой, на котором чего только не было!

Принялся Макар пожирать все, что нашел съедобным, а как все съел, снова стал землю есть уже на этом чужом огороде и плеваться, и ругаться, и о жизни своей сокрушаться несправедливой.

И тут Макар увидел чьи то поросячьи копытца. Поднял голову, и от омерзительного типа, которого увидел перед собой, его стало тошнить.

Странный человек со свиным пяточком, перемазанным землей, хрипло сказал:

– Привет.

– Что это? Кто это? – прохрипел испуганный Макар.

Странное существо совершенно спокойно ответило хриловатым голосом Макара:

– Не узнал? А я твое сердце.

– Не может быть! О, нет! – и Макар в отчаянии поднял голову к небу, ища помощи, и увидел над собой пролетающих птиц, которых никогда прежде не замечал.

Осмотревшись вокруг себя, увидел Макар прекрасные цветы, поднимающиеся из земли и высокие деревья с великолепными кронами.

Сердце весело сказало:

– Вот это и нужно видеть в людях, а не копать, как в земле. Дорого то, что земля произрастила.

Макар начал икать и сквозь икоту спросил в полной растерянности:

– Ты мое сердце?

Сердце хмыкнуло:

– А ты что-то другое ожидал встретить? Уж извините, что есть, то и есть. Да, и по чужим огородам нечего шастать. Свой нужно возделывать, если снова человеком захочешь стать.

– Так когда ж это я по чужим огородам шастал? Я честный человек. Я, между прочим, ягодки с чужого куста не сорву!

Сердце человекопоросячье хрюкнуло:

– Ну, ты только мне-то не говори этого. Ягодки он не сорвет с чужого куста...

Понял Макар, о чем проговорило ему сердце, и полный тоски посмотрел на свое сердце и увидел, как исчез с его лица пяточок, а копытца стали ногами.

Сердце все еще хриплым хрюкающим голосом проговорило:

– Наконец-то мы с тобой встретились.

Макар торопливо заговорил:

– Ты сейчас исчезнешь? Побудь со мной еще немного. Поговори со мной. Образуь меня на путь истинный.

– А я с тобой постоянно. Только ты не всегда помнишь об этом. А чаще не хочешь об этом помнить.

...Старый Макар стоял с каплей в руках возле комода и горько, а может быть, сладко плакал. Он аккуратно положил каплю на старый комод и направился к двери.

После ухода гостя весь остаток дня хозяева дома ничего не делали, а только любовались сверкающей диковинкой.

Поздно вечером в окно постучалась Юля. Ерофей вышел.

– На костер идешь? Ребята уже сложили. Сейчас зажигать будут.

Ерофей сморщил лоб и спросил:

– А кто будет?

– А кого не будет? Все будут. Тебе кто нужен, чтоб был?

– Приду.

– Я тебя подожду, – предложила Юля, – вместе и придем.

– Не жди.

Юля резко развернулась.

Ерофей намазался мазью от комаров, насыпал картошки в пакет, взял огурцов свежесольных и вышел из дома. До места, где обычно жгли костры, идти было недалеко. Шум веселых голосов собравшихся вокруг костра парней и девушек, разносился по всей округе.

– О! Ерофей с котомкой продуктов катит – обрадовались ребята.

– Привет! – ответил Ерофей и положил пакет поближе к разгорающемуся огню.

Когда затихло шуршание пакета, все замолчали, встречая ночь, и сосредоточив внимание на еще слабых языках пламени. Его блики освещали лица сидящих вокруг. Был здесь городской парень, который приехал в деревню только на лето. Звали его Стасом. Костер на берегу реки для него настоящее приключение.

Тишина торжественно и величественно воцарилась над землей. Даже ветер притих, а плеск выпрыгивающих за мошкаррой рыбешек из темной реки подчеркивал ночное безмолвие природы.

Огонь разгорался все сильнее, подогревая собравшуюся молодежь вытапливать из умов самые прикольные шутки и самые блестящие мысли. Начался разговор с простых реплик о красоте родного края и мечтах о его будущем. По накатанной перешел в обсуждение последнего фильма, просмотренного в клубе.

– Такие гонки!

– Съемка бесподобная! А драка какая!

Стас, свысока поглядывая на деревенскую публику, проговорил:

– Да, фильм-то этот старый уже, а на технике вашей в клубе его и смотреть невозможно было. Вот у нас в городе в кинотеатрах такие эффекты! Закачаешься.

Никто ничего не смог ответить на это, а девушки вернулись к фильму с другой темой, выразив восхищение внешностью главной актрисы, но парни выразили свою собственную точку зрения, что самые красивые девушки собрались сейчас вокруг этого самого костра. Юля, поймав свою любимую тему, весело предложила:

– А чего в тишине сидеть? Давайте магнитофон включим. Дискотеку устроим, раз уж здесь самые красивые девушки!

Магнитофон стоял все это время в стороне. Никто не решался нарушить торжество ночи. Загремела музыка.

Юля под всеобщее восхищение станцевала какой-то папуасский танец. Всем было понятно, что танец предназначался Ерофею, но его почему-то этот факт опечалил. Что-то странное почувствовал он, но не смог объяснить, что именно это было. Его оскорбило предположение о себе, как о похотливом животном, которое можно увлечь покачиванием частей тела. Словно он без сердца, а потому сердце оценить не сможет.

Ерофей не злился, нет, он просто не участвовал, не подзадоривал танцующую Юлю, а, когда танец закончился, отошел к реке и принялся бросать в воду камни.

Сквозь шум следующей мелодии неожиданно раздался голос Макара, шаги которого никто не услышал, а потому появился он словно ниоткуда.

– Привет, молодежь!

– О! Макар! Доброй ночи, – ответили почти хором ребята, – и куда в такую познь?

– Корова отелилась у Кольки конопатого. Жена моя отправила меня им помочь.

– Жена? Макар, ты же жену свою не слушаешь никогда. Все поперек...

– Это раньше. Глупым был, – почесал затылок Макар и тяжело вздохнул, – всю жизнь растерял. Теперь собрать хочу, что успею.

Макар показал на магнитофон:

– Вещь забавная. Что хочешь слушать можно. Я когда молодым был, они только появились, магнитофона эти. Так мы так же у костра сидели с мальцами и смеялись от души, мечтая о том, что вот бы фильмы так же можно было бы записывать, как музыку, и ставить когда хочешь. Ой, смешные это были фантазии! Так хохотали... А теперь, глянь, в каждом доме видеотека. Чудеса! И я ж дожил до чудес таких.

Один из парней сказал:

– А я мечтаю, чтобы принтеры были такие, чтобы в них жидкость заливать, и они сами бы бумагу производили и тут же на ней все печатали. А то постоянно бумага заканчивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.